

Т. Т. Мустафазаде

О ПРОЕКТЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО СОЗДАНИЮ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ХРИСТИАНСКИХ ГОСУДАРСТВ (первая половина 1780-х гг.)

Как известно, со времен Петра I Россия нацеливалась на захват Южного Кавказа, и в первую очередь Азербайджана. В 1722 г. российский царь, воспользовавшись плачевным состоянием Сефевидской державы, со стотысячной армией выступил в поход и даже без боя занял г. Дербенд. После семидневного отдыха Петр продолжил свое движение в сторону Баку [Мустафазаде 1993, 480]. Однако по некоторым причинам (в результате крушения кораблей, перевозивших муку для армии, запасы хлеба были на исходе; длительный и утомительный поход и несносная жара стали причиной массового падения лошадей; участились случаи заболеваний среди солдат, не сумевших привыкнуть к новому климату; резкая реакция османского двора в связи с походом российской армии и т. д.) российский император был вынужден оставить малочисленный гарнизон и вернуться с основными силами армии в Россию [Мустафазаде 1993, 49]. Впоследствии путем отправки военно-морских экспедиций были заняты Решт и Баку с прилегающими территориями. Таким образом, узкая прикаспийская полоса от р. Сулака до Решта оказалась в руках России.

Однако начиная с 1726 г. благодаря неутомимой деятельности Надира Афшара Сефевидское государство снова возрождается, и Россия вынуждена уступить новоприобретенные прикаспийские области. Надир не только восстановил границы Сефевидского государства, но и значительно расширил их, превратив в империю, а сам в 1736 г. взойшел на трон и основал Афшарскую династию. Однако в ночь с 19-го на 20 июня 1747 г. он был убит своими придворными.

После убийства Надир-шаха его огромная империя распалась и на территории Азербайджана образовалось около 20 независимых и зависимых мелких государств-ханств, среди которых сильными были Губинское, Гарабагское, Шекинское, Урмийское ханства. Политическая раздробленность создавала благоприятную почву для захвата страны большими державами. Особенно усердствовала в этом отношении Россия.

Как известно, в 50-х – нач. 60-х гг. XVIII в. Россия участвовала в Семилетней войне и потому не имела возможности проведения активной политики на Южном Кавказе. С середины 60-х гг. российское правительство основное свое внимание уделяло вопросу выхода к Черному морю, ради чего вело войну с Османской империей в 1768–1774 гг. После заключения выгодного для России Кючук-Кайнарджийского договора, дающего право выхода России к Черному морю, руки России были развязаны и она уже могла активно действовать и в Прикаспийском регионе. В 1775 году, воспользовавшись просьбой Фатали-хана Губинского о помощи в борьбе против кайтагского правителя Амир-Хамзы, российский военный отряд под командованием генерала де Медема вошел в Дербенд. Однако пребывание российского военного отряда в этом наиважнейшем геостратегическом пункте вызвало негодование западноевропейских держав и Османской империи. Россия вынуждена была вывести свои войска из Дербенда [Mustafazadə 2013, III]. Екатерина II по этому поводу писала, что если Россия захочет расширить свои границы от Кизляра в сторону

Ирана, тогда и османское правительство, являвшееся соседом Ирана, будет действовать подобным образом и займет иранские территории поблизости [Сборник... 1911, 473]. Международная обстановка не позволяет продвижение российских войск на Кавказе. Это поднимает горские народы против России, вызывает у Ирана и Турции сомнения в отношении России [Сборник... 1911, 435–436]. По нашему мнению, российское правительство вынуждено было ограничить свои военные действия в Кавказском регионе не только из-за нежелания обострения международной обстановки, но и из-за бушующего в то время крестьянского восстания во главе с Емельяном Пугачевым.

С начала 80-х гг. XVIII в. “восточный вопрос” занимает важное место во внешней политике России. На повестку дня выходит политическая программа под названием “Греческий проект”. Этот проект предусматривал создание из территорий Османской империи Молдавии, Валахии и Бессарабии нового христианского государства – Дакия, а при благоприятных обстоятельствах – и восстановление Греческой империи, Византии, с возведением на византийский престол внука императрицы, Великого князя Константина [Иоаннисян 1947, 12] (следует отметить, что как раз в связи с этим проектом внук Екатерины был назван в честь первого и последнего византийских императоров; ему наняли гречанку-няню, его стали обучать греческому языку).

В продвижении России в Кавказском регионе играли важную роль и проживающие в регионе армяне и христиане албанского происхождения. Центром армянского национализма являлся Эчмиадзинский католикосат, который, кстати, в 1441 г. падишахом Каракуюнлу Джахан-шахом был переведен из Киликии в село Валаршапат и впоследствии получил название Учкилсе, или Учмиадзин, Ечмиадзин. Учмиадзинские католикосы имели не только религиозную, но также и определенную политическую власть. Во второй половине XVIII века в составе Азербайджанского Гарабагского ханства находились пять наследственных крупных феодальных владений христиан албанского происхождения (Дизаг, Чилабюрд, Талыш (Гюлистан), Хачын, Варанда). Гарабагские христиане имели и свою отдельную церковную организацию, возглавляемую албанским католикосом. Местопребыванием католикоса был Ганзасарский монастырь, находившийся на территории Хачынского меликства.

В рассматриваемый период в некоторых странах, в том числе в России и Индии, существовали колонии армян. Армянская колония в Индии очень скоро разбогатела и стала мечтать о создании отдельного армянского государства на Южном Кавказе. Родившийся в Иране, получивший образование в Калькутте и Лондоне, армянин Иосиф Эмин прибыл в Россию и в 60-е гг. XVIII в. осуществлял деятельность по созданию армянского государства [Иоаннисян 1945, 136]. Армянские богачи России тоже стали лелеять мечту создания армянского государства. В 1764 году армянин Сарафов с согласия других армянских богачей представил Российской коллегии иностранных дел предложение, предусматривающее создание под протекторатом России армянского государства [Иоаннисян 1947, 19].

Российские армяне играли роль посредников между гарабагскими меликами и российским правительством. Российская дипломатия для достижения своих политических целей на Южном Кавказе использовала их как своих агентов. Одной из влиятельных армянских семей в России была семья Лазаревых, сумевшая в 1776 г. получить дворянский титул. Она добилась построения армянской церкви в Москве [Иоаннисян 1947, 20]. Другим активным армянским деятелем в России являлся назначенный в 1775 г. главой армянской епархии в России Иосиф Аргутинский [Иоаннисян 1947, 19–21].

Когда в 1780 году российские правительственные чины впервые поставили на повестку дня “армянский вопрос”, начались переговоры именно с Иваном Лазаревым и Иваном Аргутинским. В начале 1780 г. этих двух армян пригласили для

обсуждения “важных и секретных государственных дел”. Князь Г. Потемкин 3 января, пригласив Аргутинского и Лазарева к себе, попросил их дать сведения про армян и грузинского царя. Лазарев и Аргутинский настойчиво попросили князя о создании армянского государства со столицей г. Иреваном. Г. Потемкин ответил, что эта просьба может быть удовлетворена, если католикос и знатные армяне обратятся с надлежащим ходатайством к российскому правительству [Иоаннисян 1947, 22].

Среди бумаг А. Суворова, хранившихся в Архиве Российской академии наук, есть документ “Нога господина Лазарева” [Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФАРАН), ф. 3, оп. 34, д. 14, л. 14]. Это представленная в январе 1780 г. Суворову копия информации. В документе говорится, что хотя уже несколько веков “Армения” лишена государственности, при отправке Россией 2–3 тысячного военного отряда армяне могут упрочиться в Дербенде и далее захватить Шамахи и Гянджу и, естественно, Гарабаг, Иреван, и, таким образом, создается армянское государство. Армянская нация может взять на себя обязательство, что вечно будет признательна России. Впоследствии торговля России с Ираном принесет ей миллионные доходы [Иоаннисян 1947, 23–24].

Как видно, Лазарев мечтал о создании армянского государства под протекторатом России за счет территорий азербайджанских ханств.

Когда 18 февраля 1780 г. проводилось открытие армянской церкви, названной в честь Екатерины II, Аргутинский в своем выступлении, сделав краткий экскурс в прошлое, заявил, что в “свое время Бог внушил Петру Великому мысль об освобождении армян”. Хотя намерение Петра освободить армян и создать для них государство не осуществилось, Бог в лице Екатерины дал ему достойного наследника. Аргутинский молился о здоровье императрицы и ее придворных и попросил их оказать армянскому народу “любовь, снисхождение и заботу” [Иоаннисян 1947, 23–24].

Обращение армянских лидеров совпало с намерением российского двора активизировать экспансионистскую политику на Южном Кавказе. 11 января 1780 г. князь Потемкин дал следующий секретный указ-ордер ген. А. Суворову: “Часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили наконец Ее императорское величество усмирить оных силою своего победоносного оружия... ваше превосходительство имеете быть предводителем назначенного для сего войска... Полную инструкцию ваше превосходительство получите немедленно” [Рукописный отдел... л. 18–19, 231].

24 января Суворов отправился из Москвы в Астрахань и стал готовиться к походу на юг [Суворов 1951, 164]. Однако планируемый поход в 1780 г. не состоялся и был отложен на следующий год. А в 1781 г. вместо большого похода была осуществлена военно-морская экспедиция во главе с графом Войновичем.

Осенью 1782 г. российское правительство пришло к заключению, что пора основательно решать “персидские дела”. Для укрепления своих позиций на Южном Кавказе и на берегах Каспия планировалось не только прибрать к рукам прикаспийские области, но и одновременно взять под покровительство Грузинское царство и создать новое христианское государство Армению, превратив ее в форпост России.

В это время “восточная проблема” приобретает особую актуальность для России. Заключившая союз с Австрией в мае 1781 г. Екатерина II считала, что можно не только разрешить вопрос о Крыме, но и создались благоприятные предпосылки для претворения в жизнь более обширных планов [Иоаннисян 1947, 38]. В знаменитом меморандуме Безбородко нашел свое окончательное оформление “греческий проект” [Жигарев 1986, 203–227].

Как известно, в то время все кавказские и иранские дела были в ведении князя Г. Потемкина. Его племянник генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин был назначен его полномочным представителем по кавказским делам и командующим

войсками на Кавказской линии. П. Потемкину было поручено подготовить новый поход на Южный Кавказ и Иран, чтобы осуществить планы относительно грузин и армян. 4 ноября 1782 г. он прибыл в свой штаб в г. Георгиевск [Маркова 1966, 161]. 6 апреля 1783 г. Г. А. Потемкин писал П. Потемкину, чтобы тот уделял внимание упрочению связей с Ираклием, шушинского хана следует низвергнуть и под протекторатом России создать независимое армянское государство в Гарабаге [Маркова 1966, 161].

Сделав отступление, отметим, что в XVIII–XIX вв. одним из методов осуществления завоевательной политики российского государства было создание сначала на какой-нибудь территории зависимого от себя марионеточного государственного образования, а затем присоединение этой территории к себе.

Одним из дел, которым занимался П. Потемкин, являлся т. н. “армянский вопрос”. Потемкин отправил в Гарабаг Г. Караханова, поручив ему разузнать, есть ли на Гарабаге, Гарадаге и в других местах в нужном количестве пшеница, корма, овес и др. провиант и есть ли возможность прокормить 50-тысячное войско [Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 23 (Госархив), оп. 1, д. 13, ч. 1, л. 151 об. – 152; Армяно-русские... 1990, 200].

21 декабря 1782 г. Потемкин предъявил письменный запрос прибывшему в Георгиевск И. Аргутинскому: “...сохранили ли армяне... силу духа, нужного для свободных душ. Склонны ли они свергнуть иго, их утесняющее?” [Иоаннисян 1947, 40]. И. Аргутинский не только собрал и представил нужную информацию П. Потемкину, более того, он подготовил проект “русско-армянского договора” из восемнадцати статей. Этот документ носил характер предложений, рекомендаций и утопий о политическом строе будущей “Армении”. Аргутинский предлагал, чтобы “Армения” была зависимой от российского государства и чтобы здесь содержался российский отряд под командованием одного генерала. Взамен “Армения” должна была платить России дань, в случае необходимости оказать помощь. Императрица вправе на армянский престол посадить одного армянина или кого-то из своих близких. Столицей государства мог быть выбран Вагаршапат, или Ани, или же какой-то другой город в равнине Арарат, т. е. Агридаг. По мнению Аргутинского, нужно было, чтобы в распоряжение “Армении” предоставлен был один порт на Каспийском море. В проекте указывалось, что, поскольку князь Потемкин является благожелателем армянского народа, он должен выступить посредником между армянским народом и императрицей. Таким образом, как видно на самом деле, И. Аргутинский предлагал Г. Потемкину будущий армянский престол [Иоаннисян 1947, 47–49].

Отправленный осенью 1782 г. на Южный Кавказ российский эмиссар Е. Рейнегс писал из Тифлиса Г. Потемкину, что ханы «опасаются России, турки слабы, потому судьба “Адербидегана” зависит от прибытия русских войск к Ираклию» [РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 3, л. 26–27].

Чтобы поднять христианских албанцев, ген. Потемкин отправил в Гарабаг к меликам агента по имени Мкртыч Геказов. Возвратившись в начале 1783 г., Геказов сообщил, что гюлистанский мелик Бейлер убит в стычке с горцами, Абов, а также челябурдский мелик Азам высказали свою готовность служить императрице [РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 5, л. 151–152].

П. Потемкин письменно сообщал албанскому католику и албанским меликам, что в 1783 г. обязательно начнется война с Ираном (то есть нападение на азербайджанские ханства). Потому они должны быть в готовности и ожидать своего освобождения. Албанский католикос, получив эту весть, собрал некоторых меликов в главный храм, и они вместе присягнули на кресте и Евангелии помогать Потемкину [Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 52 (Потемкины), оп. 1, д. 170, л. 3–7 об.; Армяно-русские... 1990, 132; Иоаннисян 1947, 59].

В письме от 5 марта 1783 г. католикос Ованес, мелики Абов и Адам сообщали, что они с радостью приняли весть о предстоящем походе российских войск и готовы во всем помогать [РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 3, л. 74; Армяно-русские... 1990, 227–229].

Ген. Потемкин хотел установить связи с эчмиадзинским католикосом Гукасом. Однако Гукас под предлогом, что он всего лишь священник и ничего не понимает, отказался предоставить Потемкину нужную информацию и туманными фразами выразил свою верность и благосклонность русским. Однако по указанию Аргутинского находившийся на службе у Потемкина армянин М. Ваганов при переводе этого письма туманные выражения заменил фразой о том, что “весь армянский народ ждет похода русских войск” [Иоаннисян 1947, 66–67].

Приняв в 1783 г. Картли-Кахетинское царство под свою протекцию, российское правительство активизировало свои действия на Южном Кавказе. Г. Потемкин еще 6 апреля 1783 г. предписал П. Потемкину: “Шушинского хана Ибрагима свергнуть должно, ибо после сего Гарабаг составит армянскую независимую кроме России никому область” [Мустафазаде 1993, 154; РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 90, л. 8]. 19 мая Г. Потемкин писал Екатерине II, что он, выполняя ее указание, дал распоряжение П. Потемкину привлечь гарабагского Ибрагим-хана к подданству. Генерал же в ответе писал, что при благоприятных условиях можно низложить Ибрагим-хана и находящихся в его подчинении христиан привлечь к правлению, таким образом выполнив данное через князя Потемкина меликам обещание восстановить христианское государство в Азии [ПФАРАН, ф. 3, оп. 34, д. 14, л. 32].

В своем рапорте от 19 мая 1783 г. Г. Потемкин писал Екатерине II: “Не имев еще повеления вашего императорского величества я дал резолюцию генерал-поручику Потемкину об Ибрагим хане шушинском, сближающую его к повиновению. Предлежит рассмотрению, чтоб при удобном случае области его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим вашей императорского величества обещаниям, данным чрез меня армянским меликам” [РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 32, л. 1 об. – 2, с. 241].

В письме, написанном в январе 1784 г., П. Потемкин спрашивал Г. Потемкина, когда Гарабаг и Гарадаг станут самостоятельными, какую власть там нужно создать, будут ли г. Иреван и одноименная область составлять государство “Армению” или же передать их в управление грузинского царя [РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 8, л. 417–418; Иоаннисян 1947, 183, 286].

Следует отметить, что в это же время сильнейший из азербайджанских ханов Фатали-хан губинский, уже объединивший Северо-Восточный Азербайджан, стремился присоединить и другие азербайджанские земли и искал поддержку России, не зная о ее тайных планах. В мае 1784 г. хан предпринял поход в Ардебиль, а также намеревался посадить на шахский трон находившегося при нем лжепринца Аббас-Мирзу.

Однако, понимая далекоидущие планы Фатали-хана, Екатерина II не только не поддержала планы создания сильного государства в Азербайджане, но и помешала их осуществлению. П. Потемкин получил указание правительства приостановить дальнейшее движение губинских войск на юг, помешать присоединению к войскам Фатали-хана подкреплений из других ханств. Наряду с этим по указанию Г. Потемкина было решено натравить на Губинское ханство соседних феодальных владетелей, и прежде всего Ибрагим-хана гарабагского [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 286, ч. 4, л. 29].

Такая негативная реакция российского правительства на поход Фатали-хана была продиктована его планами в отношении Южного Кавказа и Северного Ирана. В своих мемуарах статс-секретарь А. В. Храповицкий писал: “В сундуке отыскал

для себя и читал секретный проект князя Потемкина-Таврического, чтобы, воспользуясь персидскими неурядицами, занять Баку и Дербент и присоединяя Гиляна назвать Албаниею для будущего наследия великого князя Константина Павловича” [Памятные записки... 1862, 37].

Поход российских войск был назначен на весну 1783 г., а затем перенесен на следующий год. По разработанному плану российские войска должны были начать наступление как по западному берегу Каспийского моря – от Дербенда до Энзели, – так и со стороны Грузии – на Гарабагское, Гарадагское и Иреванское ханства [Абдуллаев 1958, 125–426]. Но из-за сложившейся в то время ситуации в Центральном Иране российские власти решили добиться своих целей дипломатическим путем. Дело в том, что весной 1784 г. захвативший власть в Центральном Иране и временно оттеснивший своего противника Ага Мухаммед-хана Гаджара Али Мурад-хан исфаганский просил Россию признать его шахом и оказать военную помощь, взамен обещая отказаться в пользу России от всех территорий, входивших в 20-х – первой половине 30-х годов XVIII века в состав России, а также от Гарабагского, Гарадагского, Нахчыванского и Иреванского ханств [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 324, с. 172].

Предложения Али Мурад-хана совпадали с интересами российского правительства и потому были положительно встречены графом Безбородко, который писал Екатерине II: “Приуготовляется вашему императорскому величеству слава дать настоящего государя Персии, ограничить ее в переделах, чтобы она была нам полезна...” [Абдуллаев 1958, 126] Г. Потемкин сообщал Екатерине II, что, воспользовавшись обращением Али Мурад-хана, можно организовать губернию Албания [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 286, л. 63–64]. В мае того же года Г. Потемкин писал Безбородко, что из этого предложения можно извлечь пользу, организовать страну Армению и Албанию, царство Ираклия [РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 32, л. 111–112; Маркова 1966, 188].

Али Мурад-хан отправил своего посланника и через него заявил, что уступает России бывшие в 1722–1735 гг. в ее руках прикаспийские области, Гарабагское, Гарадагское, Нахичеванское и Иреванское ханства [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 324, л. 127].

Для переговоров с Али Мурад-ханом был послан с письмом императрицы и подарками полковник Тамари [Абдуллаев 1958, 126]. В инструкции, выданной 23 сентября 1784 г. Г. Потемкиным Тамари, говорилось, что признание Али Мурад-хана шахом не может встретить никаких затруднений, только он не должен предъявлять претензии к Грузии и “Армении”. Можно заключить и военный союз с ним. В случае совместной войны с Османской империей Али Мурад-хан не должен претендовать на Имеретию, Ахалцыхскую область и “Турецкую Армению” [Иоаннисян 1947, 128–130]. “Чтоб он подался на отступление от всех побережных каспийскаго моря провинций, от Армении и от всех тех земель кои у нас полагаются для распространения царства Карталинского...” [Иоаннисян 1947, 251]. “Но буде Али Мурат хан предполагает какое либо для себя завоевание на счет Порты, то из того всемерно выключить должно во первых земли царя Имеретинского с его вассалами, второе, часть Армении, коя во владении турецком остается и которая натурально к своему корпусу присоединиться должна; и третье область Ахалцыхскую, о коих цари карталинские мнят, что она им принадлежит” [Иоаннисян 1947, 281–282].

Следует отметить, что к концу 1784 г. политическая обстановка на Ближнем и Среднем Востоке несколько изменилась, что было связано с усилением влияния Франции и Англии на Османскую империю и Иран. И Англия, и Франция опасались усиления России на Кавказе и в Иране. Прибывший из Истанбула в Иран французский дипломатический агент де Фернер Совбеф всячески убеждал Али Мурад-хана отказаться от союза с Россией и ни в коем случае не допустить перехода азербайджанских земель под ее власть [Бутков 1869, II, 149]. Али Мурад-хан под давлением Франции отказался от своих предложений территориальных уступок России [Абдуллаев 1958, 128].

К тому же менялась обстановка и на самом Южном Кавказе, в первую очередь в Гарабаге. Узнавший о предательстве некоторых меликов и албанского патриарха, Ибрагим-хан гарабагский пригласил к себе в Шушу трех меликов – Меджлума, Абова и Бахтама, – якобы для обсуждения некоторых важных государственных дел. Меликов схватили и, уличив в измене, посадили в тюрьму [Бутков 1869, III, 128]. Потом по указанию хана конный отряд налетел на Ганзасарский монастырь и католикос Иоганнес был схвачен и посажен в шушинскую тюрьму, где в 1786 г. был отправлен [Бутков 1869, III, 204; Левиатов 1948, 148]. Меликам удалось бежать из шушинской тюрьмы, и они явились к грузинскому царю Ираклию и начальнику российского отряда полковнику Бурнашеву [Иоаннисян 1947, 148].

В таких условиях проект Г. А. Потемкина об оккупации Северного Азербайджана и создании здесь марионеточного христианского государства под протекторатом России не был осуществлен. Подготовка к походу сначала откладывалась, а затем, в связи со смертью Г. Потемкина, была временно предана забвению.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Суворов.** Т. 2. Документы / Под редакцией Г. П. Мещерякова. Москва, 1951.
- Абдуллаев Г.* Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60–80-е годы XVIII века. Баку, 1958.
- Армяно-русские отношения в XVIII веке (1760–1800 гг.).** Сб. документов. Т. IV / Под ред. М. Г. Нерсесяна. Ереван, 1990.
- Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. II. Санкт-Петербург, 1869.
- Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. III. Санкт-Петербург, 1869.
- Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе (ея история в XV–XIX веках, критическая оценка и будущая задачи) // Историко-юридические очерки Сергея Жигарева. Т. 1. Москва, 1986.
- Иоаннисян А. Р.* Иосиф Эмин. Ереван, 1945.
- Иоаннисян А. Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947.
- Левиатов В. Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948.
- Маркова О. П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. Москва, 1966.
- Мустафазаде Т. Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII века. Баку, 1993.
- Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй** / Примеч. Г. Н. Геннади. Москва, 1862.
- Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФРАН).** Ф. 3, оп. 34, д. 14; ф. 99, оп. 2, д. 14.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 23 (Госархив), оп. 1, д. 13, ч. 1, 3, 5, 8.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 52 (Потемкины), оп. 1, д. 170; д. 286, ч. 4; д. 324; оп. 2, д. 32, 37, 90.
- Рукописный отдел национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.** “Суворовский сборник”, т. XV.
- Сборник Императорского Российского исторического Общества.** Т. 135. Санкт-Петербург, 1911.
- Mustafazadə T.* Azərbaycan-Rusiya münasibətləri (XVIII əsrin ikinci yarısı – XIX əsrin əvvəllərində) Cərg-Qərb. Bakı, 2013.